

Репетировать напрямую конферанс нельзя, но режиссерско-педагогическая работа с таким артистом необходима.

Кроме того, часто артист-конферансье оказывается в положении «сам себе режиссер». Артисты этого жанра должны владеть режиссерскими навыками для подготовки своих выступлений.

Конферанс как доверительная беседа

В основе французского слова *конферанс* лежит глагол *сопфетер* — беседовать, совещаться.

Конферансье не вообще общается с публикой, не вещает, не декламирует, не выступает, подобно трибуну, с митинговой речью, не читает лекцию — он беседует и даже о чем-то совещается со зрителями.

И точнее глаголов, пожалуй, не подобрать. В такой манере выступал, например, знаменитый конферансье П. Муравский.

«Петр Лукич Муравский... У него редкий дар свободной, непринужденной беседы, откровенного разговора с любой аудиторией в любой обстановке. Слушая его, не ощущаешь холодной официальности выступления, никогда не думаешь о, возможно, заранее подготовленном тексте. Он выходит на эстраду, как радушный и гостеприимный хозяин сены. Неискушенной публике, если она даже есть, кажется, что этот обаятельнейший, удивительно милый собеседник импровизирует, трусстит и смеется вот здесь, вместе с ними, впервые и только для них вспоминает о чем-то, раздумывает о жизни, призывая себе в помощники гитару...»³

Беседа — дело достаточно интимное или, скорее, доверительное. Действительно, когда мы беседуем, то не кричим (это уже скандал); в беседе речь наша разговорна, перемешана междометиями, восклицаниями, она не столь литературно выверена, как если бы была написана; мы используем особые, присущие только разговору обороты и отдельные слова. Разговорная речь может быть очень правильной и грамотной речью образованного и культурного человека. Но даже в этом — сегодня, к великому сожалению, — редко случается разговорная речь будет отличаться от литературной.

Люди, в большинстве своем, говорят не так, как пишут. Все это является основной причиной того, почему авторам так трудно писать для конферансье, а последним очень сложно исполнять написанное на практике.

Все знаменитые конферансье умели сохранить в общении с большим количеством людей, с целым зрительным залом доверительную интонацию разговора, стиль легкой и непринужденной беседы.

«Багив не стал бы конферировать на стадионах или во дворах спорта. Может быть, он смог бы „взять“ и такую необъятную аудиторию. Но зачем? Конферанс — искусство камерное. Когда вы не в состоянии даже как следует взглядеться в лицо человека, который обращается к вам с эстрады, о каком естественном общении может идти речь?! Конферансье в подобных условиях лишается главного своего козыря. Что бы он там ни шептал в микрофон, какими бы мощными ни были усилители, он ведь, как и его зрители, не видит, не чувствует, с кем имеет дело.

Конферансье — прежде всего доверенное лицо публики и вместе с тем — доверенное лицо артистов. Человек, имеющий право иметь свое суждение»⁴.

У известных конферансье различилась манера, выбор тем, способ подачи, температур, имидж — неизменным всегда оставалось ощущение беседы. Именно этот фактор создает у публики впечатление, что конферансье разговаривает не с залом вообще, не с толпой, не с массой, — а с каждым зрителем в отдельности.

«Я по крайней мере, — писал Г. Дудник, — не знал ни одного зрителя, которому не нравились бы Гаркави. Он умел очаровать любую аудиторию. Открывался занавес и на сцену легко, выпархивал Михаил Наумович. А там было чему, выпархивать». Вес 135 килограммов и рост 190 сантиметров. На лице широкая улыбка. Он как бы говорил зрителям: «Сейчас мы с вами подружиться». И начал вести концерт. Все его шутки, репризы, объявления номеров рождались тут же, он ничего заранее не готовил, только интересовался — кто сегодня в зале. Для него главное — контакт со зрителем, а все остальное полагалось как-то само собой. Все это удавалось Гаркави благодаря огромной фантазии и выдумке»⁵.